

SECTION 31. Economic research, finance, innovation, risk management.**Gennady Vasilyevich Kovalenko**

Associate Professor, Ph.D.,

St.Petersburg State Polytechnical University, Russia

7525268@gmail.com**SPECIFICS OF BUSINESS RISKS PERCEPTION IN RUSSIA**

Abstract: *The analysis of differences in business risks perception between Russia and other countries (groups of countries) is built on the empirical data of 2014 aggregated from several sources. The discussion includes the specific features of the perception of business risks in Russia: the emphasis is put on non-market risks and concerns about the risk of unavailability of financing. There is lack of attention to the risk of business interruption and indifference to the loss of reputation / brand value as well as to the risks of cyber threats. The key reason for such differences compared to other countries is formulated: there is a low level of trust in the business-to-business, buyer-seller and business-state relationships. The possible effect of increasing level of trust on the Russian business receptivity to innovation and competitiveness is put under consideration.*

Keywords: *risk, risk perception, risk analysis, business risk, competitiveness, innovation, efficiency.*

Citation: Kovalenko GV (2014) SPECIFICS OF BUSINESS RISKS PERCEPTION IN RUSSIA. ISJ Theoretical & Applied Science 9 (17): 174-179. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.09.17.30>

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ БИЗНЕС-РИСКОВ В РОССИИ

Аннотация: *Анализ различия в восприятии бизнес-рисков в России по сравнению с рядом других стран (групп стран) построен на эмпирических данных 2014 года, агрегированных из нескольких источников. Обсуждаются особенности восприятия бизнес-рисков в России: акцент на нерыночные риски, отсутствие приоритетного внимания к риску прерывности бизнеса/поставок и равнодушие к потере репутации/стоимости бренд и рискам киберугроз, обеспокоенность риском недоступности финансирования. Формулируется ключевая причина различий – низкий уровень доверия в отношениях: бизнес-бизнес, продавец-покупатель, бизнес-государство. Дискутируется возможное влияние повышения уровня доверия на восприимчивость российского бизнеса к инновациям и его конкурентоспособность.*

Ключевые слова: *риск, восприятие риска, анализ риска, бизнес-риски, конкурентоспособность, инновации, эффективность.*

Согласно отчету, опубликованному страховой группой Allianz в январе 2014 года, глобальный риск-ландшафт бизнеса претерпел большие изменения в период 2013-2014 гг. Впервые за последние несколько лет в десятку самых значимых бизнес-рисков вошли риски, связанные с информационной безопасностью, воровством, мошенничеством и коррупцией. В мире существенно выросла значимость рисков рыночной стагнации/спада (они переместились с 8-го места в 2013 году на 5-е место в 2014 году) и рисков потери репутации/ценности бренда (переместились с 10-го места в 2013 году на 6-е место в 2014 году) [1].

Конечно, у страховой группы Allianz свой узкопрофессиональный взгляд на риски и управление ими, однако ее отчет вкупе с другими данными дает возможность выявить и проанализировать различия в восприятии бизнес-рисков в России и за рубежом. Данные Allianz [1, 2] были перегруппированы и

представлены в виде сводной таблицы (табл.1), при этом из общего перечня в двадцать шесть бизнес-рисков были исключены риски, не попавшие в десятку самых значимых в разрезе взятых на рассмотрение пяти стран (групп стран). В своем обзоре специалисты группы Allianz выполнили ранжирование рисков по величине доли положительных ответов экспертов относительно значимости конкретного бизнес-риска в совокупности всех ответов. У ряда рисков опубликованные значения долей строго равны между собой и, соответственно, неизвестен их истинный рейтинг. В табл. 1 приведены интервальные оценки рейтингов для таких «равных» рисков, что дало возможность более объективной оценке рисков.

Таблица 1

Различия в восприятии бизнес-рисков в России и за рубежом

Наименование бизнес-риска	Рейтинг бизнес-риска по странам (диапазон рейтинга от 1 до 26)*				
	Мир в целом	Европа	США	АТР**	Россия
Прерывание деятельности, поставок	1	1	1	1	3
Природные катастрофы	2	2	2	2	2
Пожар, взрыв	3	3	3	3	1
Изменения в законодательстве и регулировании	4	4-5	7-10	4	8
Стагнация рынка или спад	5	4-5	7-10		6-10
Потеря репутации или ценности бренда	6	7	4	5	
Ужесточение конкуренции	7	6	6	9	6-10
Киберпреступления, ИТ-сбои, шпионаж	8	9	5	6	
Воровство, мошенничество, коррупция	9	8			
Недостаточность качества продукции (услуг), серийные дефекты (недостатки)	10	10	7-10		
Рыночные флуктуации	11			8	
Рост цен на биржевые товары	13			7	
Недоступность кредитов	15				6-10
Дефицит талантов, старение рабочей силы	16			10	
Политические и социальные беспорядки, война	18				6-10
Проблемы со здоровьем, пандемии	20				4
Терроризм	22				5
Изменения в окружающей среде	23		7-10		

*меньше значение рейтинга – выше значимость риска

**АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

Первое, бросающееся в глаза, отличие России от всего мира в целом - в риск-ландшафте бизнеса в России по совокупной значимости в топ-10 рисков гораздо более значимую роль играют нерыночные риски.

Государственные регулирующие структуры различных стран мира в целях поддержания и повышения конкурентоспособности своих стран вынуждены реагировать на изменения рыночных рисков изменением законодательства, правил и норм экономического

регулируемого. В связи с этим, в глобальном масштабе, риск изменений в законодательстве и регулировании стабильно держится на четвертом месте по степени значимости для бизнеса. При этом, вопреки устоявшемуся мнению, у российского бизнеса законодательный и регуляторный риск вызывает меньше всего опасений, находясь на 8-ом по значимости месте, в отличие от мира в целом, стран Европы и АТР, где этот риск по значимости расположился к верхней половине топ-10. Россия находится примерно на одном уровне с США по восприятию предпринимателями этого риска, что в определенной мере с положительной стороны характеризует предсказуемость регулирования деловой активности в России. Возможно, такое положение дел с бизнес-регулированием в России способствовало повышению ее конкурентоспособности, которая в рейтинге Всемирного экономического форума (WEF) поднялась с 64-го места в 2013 году на 53-е место в 2014 году [3, с. 13]. При этом следует отметить, что по показателю «Business Legislation» IMD World Competitiveness Center Россия на протяжении 2-х лет занимает 57-е место в мире, в то время как США поднялись с 12-го места в 2013 году на 11-е место в 2014 году [4, с. 211, 267].

Чтобы в условиях усиления конкуренции удержаться на плаву на стагнирующем рынке с постоянно меняющимися «правилами игры», предприниматели во всем мире особое внимание уделяют риску прерывания деятельности/поставок, неизменно из года в год, ставя его по степени значимости на первое место. Именно здесь и проявляется второе отличие в восприятии бизнес-рисков в России от мира в целом и принятых в рассмотрение стран (групп стран). В России, на первом месте по значимости находится риск пожара и взрыва, на втором месте располагается риск природных катастроф, а риск прерывания деятельности/поставок занимает только третье место.

Раз контроль и управление риском прерывания деятельности/поставок не являются приоритетом при ведении дел, то предпринимателей не заботит и не будет в действительности особо заботить проблема потери репутации или ценности бренда. Из этого естественным образом вытекает, что риск недостаточного качества продукции/наличия серийных дефектов не является настолько значимым в его восприятии российскими предпринимателями, чтобы они стали всерьез беспокоиться о качестве выпускаемой продукции, оказываемых услуг. Учитывая, что крупный бизнес, как правило, придает риску потери репутации или ценности бренда больше значимости, чем средний бизнес [1, с. 9], то ситуация с отношением к репутации в России с ее относительно неразвитым в экономике малым и средним предпринимательством [5, с. 6-7] выглядит еще более рыночно непривлекательной. В таких условиях уровень взаимного доверия контрагентов в бизнесе в России вряд ли будет высоким. В итоге такое отношение бизнеса к репутации, качеству и непрерывности «замораживает» рост его эффективности. Например, по показателю «эффективность бизнеса», величина которого ежегодно рассчитывается экспертами IMD World Competitiveness Center, Россия с 2010 года до настоящего времени застыла на своем неизменном 53-м месте в мире [4, с. 212].

Первоочередное внимание в России к рискам пожара/взрыва, возможно, частично объясняется менее щепетильным отношением в обществе к собственности и правам на нее как со стороны участников деловых отношений, так и со стороны судебной системы. Представители юридических кругов утверждают, что «уже ни для кого не секрет, что Российская Федерация — не самое популярное место для разрешения арбитражных споров» [6]. Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин, говоря на IV Петербургском международном юридическом форуме о том, что российские бизнесмены предпочитают судиться за рубежом, признавал, что "нужны и коренные изменения" [7]. Иными словами, невысокий уровень доверия в России проявляется и в отношениях бизнес – государство.

Третье отличие в восприятии бизнесом рисков в России заключается в отношении к информационным технологиям, точнее к бизнес-рискам, которые сопровождают их

развитие и распространение. Как уже было отмечено, эти риски в 2014 году впервые вошли в список десяти значимых бизнес-рисков в глобальном масштабе. О повышении значимости ИТ-рисков также свидетельствует и отчет WEF, согласно которому в 2014 году в топ-5 рисков по вероятности проявления второй раз с 2012 года вошел риск кибератак, а по воздействию – риск сбоев критически важной информационной инфраструктуры [8, с. 17].

Российский бизнес считает незначимыми для своей деятельности риски киберпреступлений, ИТ-сбоев и шпионажа. Такое отношение отмечается и в результатах других исследований [9]. Слабое внимание к данным рискам вполне объясним, так как согласно оценке специалистов Zecurion в 2013 году на долю России приходилось всего «6,0% от общемирового количества зафиксированных утечек информации, в то время как на США - 67,2%» [10, с. 5]. Проблема здесь как в самой тенденции (в 2012 году этот показатель составлял 4,4% для России, а 69,0% для США), так и в человеческом факторе. Как правило, возможности инсайдеров в получении конфиденциальной информации намного превосходят возможности внешних злоумышленников. По результатам исследований Zecurion почти 34% российских студентов считают корпоративные политики информационной безопасности «пустой формальностью и не готовы их соблюдать», а свыше 40% респондентов планируют «выносить рабочие документы за пределы корпоративной сети, если им это будет удобно». Чуть менее 16% будущих работников «не планируют копировать важную для своей деятельности информацию (в том числе конфиденциальную) при переходе на новое место работы, а в случае угрозы увольнения число лояльных сотрудников снижается» примерно до 12% [11, с. 4]. Это показывает недальновидность недооценки бизнесом в России значимости рисков, связанных с развитием и распространением информационных технологий. Как отмечают специалисты компании InfoWatch, специализирующейся на вопросах ИТ-безопасности, «в англосаксонских странах утечкам придается огромное значение, а в Восточной Европе и Азии бизнес и регуляторы еще не осознали, что утечки – серьезный фактор, влияющий на развитие и само существование бизнеса» [12, с. 18].

Риски воровства, мошенничества и коррупции также не являются значимыми на российском риск-ландшафте, что подтверждается данными других источников [9]. В принципе это закономерно, так как в информационную эпоху эти риски в определенной степени коррелируют с рисками киберпреступлений, ИТ-сбоев и шпионажа.

С одной стороны, недооценка рисков воровства, мошенничества и коррупции не имеет под собой оснований. По данным IMD World Competitiveness Center уровень взяточничества и коррупции в России вырос более чем в 1,5 раза за период 2013-2014 гг [4, с. 211]. В списке факторов, неблагоприятных для ведения бизнеса, коррупция в России для условий 2014 года занимает первое место, о чем свидетельствует данные WEF [3, с. 320].

С другой стороны, зачем беспокоиться о куберугрозах, воровстве, мошенничестве и коррупции, если повышение репутации не является приоритетом для бизнеса?

Четвертое отличие в восприятии рисков. Для бизнеса в России гораздо значимее риск недоступности кредитования в отличие от других принятых в рассмотрение стран (групп стран). Например, по версии IMD World Competitiveness Center уровень доступности финансирования в России в 2014 году составляет 25,4%, в то время как для США эта величина равна 56% [4, с. 211, 267]. Действительно, согласно экспертам WEF недоступность финансирования в России в 2014 году занимает третье место в списке факторов, неблагоприятных для ведения бизнеса [3, с. 320]. А ведь недоступность кредита фактически означает низкий уровень доверия, так как корень слова «кредитование» берет свое начало от латинского *credo* – «Я верю». В основе же предпринимательства лежат процессы постоянного оперирования различными формами доверия [13, с. 14].

Складывается цепочка: малое внимание к репутации – низкий уровень доверия – сложности с получением финансирования, в том числе и кредитов, – объективное

ограничение роста и развития бизнеса. Как следствие, снижение мотивации к инновациям (64-е место России в мире в 2013 году по версии WEF и 66-е в 2014 году [14, с. 327; 3, с. 321]) и низкая способность к «абсорбции» новых технологий (98-е место России в мире в 2014 году по версии WEF [3, с. 321]) и отсутствует стимул создавать информационную инфраструктуру риск-менеджмента [15]. Прямую и явную зависимость между уровнем доверия в экономике, доступностью кредитования бизнеса, финансированием инноваций, качеством судебной системы и экономическими успехами наглядно показали Пьер Кахук и Ян Алган в своей работе «Trust, Growth and Well-being: New Evidence and Policy Implications» [16].

Таким образом, ключевым фактором, определяющим разницу в отношении к бизнес-рискам в России по сравнению с другими странами (группами стран), взятыми в настоящей статье, как раз и является доверие, точнее его сравнительно низкий уровень в России. О низком уровне доверия в России пишут многие авторы, в том числе, Петр Штомпка в книге «Доверие – основа общества» [17, с. 410], Ян Фидрмук в своей работе «How Persistent is Social Capital?» [18, с. 25] и другие. Первопричиной же служит неприоритетное отношение бизнеса к собственной репутации. Если забота о собственной репутации в глазах широкого круга контрагентов станет задачей номер один для бизнеса, то изменится в лучшую сторону отношение к собственности и правам на нее, бизнесу станет доступнее как финансирование «с рынка» от контрагентов (поставщиков и покупателей), так и от кредитных и специализированных учреждений, включая государственные. Появится реальная заинтересованность в повышении эффективности своей деятельности и, соответственно, потребность в инновациях, а также стремление максимально эффективно и без угрозы для своей репутации использовать новейшие информационные технологии. Возможно, ситуация с невысокой конкурентоспособностью экономики России в целом наконец начнет улучшаться.

References:

1. (2014) Allianz Risk Pulse. Allianz Risk Barometer on Business Risks 2014. Munich: Allianz Global Corporate & Specialty SE, 9. Available: http://www.agcs.allianz.com/assets/PDFs/Reports/Allianz-Risk-Barometer-2014_EN.pdf
2. (2014) Allianz Risk Pulse. Country and regional information on Business Risks 2014. – Munich, Allianz Global Corporate & Specialty SE, 19. Available: http://www.agcs.allianz.com/assets/PDFs/Reports/Allianz-Risk-Barometer-2014_Appendix.pdf
3. (2014) The Global Competitiveness Report 2014–2015: Full Data Edition – Geneva: World Economic Forum, 565. Available: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2014-2015/>
4. (2014) The IMD World Competitiveness Yearbook 2014. Lausanne: Institute for Management Development. Published by the WCC, 559.
5. (2013) Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva. Sravnitel'nyy analiz rossiyskogo i mezhdunarodnogo opyta. Moscow, MSPbank (gruppa Vneshiekonombanka), 15. Available: http://mspbank.ru/files/analytical_center/analytical_reports/researches/analiz-may-2013.pdf
6. (2014) Sozdanie Rossiyskoy arbitrazhnoy associacii: zchem ieto nuzhno. Available: <http://legalinsight.ru/sozdanie-rossijskoj-arbitrazhnoj-associacii-zchem-jeto-nuzhno/>
7. (2014) Valeriy Zor'kin zastupilsya za sudebnoe tolkovanie prava. Available: http://pravo.ru/court_report/view/106477/
8. (2014) The Global Risk 2014: Ninth Edition – Geneva: World Economic Forum, 60. Available: <http://reports.weforum.org/global-risks-2014/>

9. Kovalenko GV, Kolosova OV (2014) Innovation projects managers perception and assessment of risks. ISJ Theoretical & Applied Science 2 (10), pp.156–161. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.02.10.27>
10. (2014) Utechki konfidencial'noy informacii. Itogi 2013 goda. Moscow, Zecurion Analytics, 14. Available: http://www.zecurion.ru/upload/iblock/a5e/Zecurion_Data_leaks_2014.pdf
11. (2014) Zashchita informacii. chto nam gotovit budushee? Vzglyad studentov na bezopasnost' lichnoy i korporativnoy informacii. Moscow, Zecurion Analytics, 15. Available: http://www.zecurion.ru/upload/iblock/aa3/Zecurion_Students_research_2014.pdf
12. (2014) Global'noe issledovanie utechek konfidencial'noy informacii v 2013 godu. Moscow, InfoWatch. Available: http://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/InfoWatch_global_report_2013.pdf
13. Dyundina MA (2013) Doverie v predprinimatel'skoy srede kak resurs integracii rossiyskogo regiona: avtoref. dis. kand. sociol. nauk: 22.00.04. Saratov, Izd-vo SGTU, 20.
14. (2013) The Global Competitiveness Report 2013–2014: Full Data Edition – Geneva: World Economic Forum, 552. Available: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf
15. Kovalenko GV (2014) Consideration of the level of information infrastructure development of the risk-management in the country as the factor of global competitiveness of its economy. ISJ Theoretical & Applied Science 1 (9), pp.121-124. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.01.9.19>
16. Yann Algan, Pierre Cahuc (2013) Trust, Growth and Well-being: New Evidence and Policy Implications. Discussion Paper No. 7464. June 2013. Bonn: IZA, 86. Available: <http://ftp.iza.org/dp7464.pdf>
17. Shtompka P (2012) Doverie - osnova obschestva. per. s pol. Morozovoy NV. Moscow, Logos, 440.
18. Fidrmuc J (2013) How Persistent is Social Capital? Uxbridge: Brunel University, November 2013, 31. Available: http://economics.smu.edu.sg/sites/default/files/economics/Events/APCC2013/Papers/7Dec/17_janfidrmuc.pdf